

Первую книжечку стихов тиражом в один-единственный экземпляр Константин Ваншенкин выпустил самиздатом: сшил иголкой с ниткой, на обложке изобразил эмблему своих воздушно-десантных войск — раскрытый парашют, пересеченный авиационными крылышками, и поставил собственные инициалы. Это было на фронте.

Недавно в серии «Мой 20-й век» издательства «Вагриус» вышли его воспоминания.

В «Писательский клуб» 72-летний поэт собрал близких, знакомых, друзей.

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН: МОЛОДЕЖЬ ОПЯТЬ ХОЧЕТ НАЧАТЬ ВСЕ С НУЛЯ — КАК ПРИ ЖДАНОВЕ

Вет. клуб - 1998 - 8 окт. - с. 7.

— «Писательский клуб» — не первая ваша книга в жанре воспоминаний, сегодня невероятно популярном у издателей и читателей. Помните, еще 13 лет назад вы выпустили мемуарно-биографические «Поиски себя». В каком вообще возрасте пора начинать мемуары, как вы думаете?

— Совсем не обязательно стать старым человеком, чтобы взяться за воспоминания. Неплохо это делать тогда, когда еще ничего не забыл — по свежим следам. Как вы правильно сказали, я писал воспоминания с давних пор. По мере того, как возникала потребность рассказать о том, чему был свидетелем, о замечательных людях, с которыми близко общался — поэтах, прозаиках, композиторах, артистах, спортсменах. Рассказать так, как, возможно, никто другой не расскажет. Половина историй из «Писательского клуба» публикуется впервые. В этой книге множество фотографий из личного архива.

— Демобилизовавшись в конце 1946 года в звании гвардии сержанта, вы поступили в геолого-разведочный институт, потом, проучившись там год, перешли в литературный. Время нервное, неустоявшееся... Перед молодым поэтом, наверное, было немало искушений?

— Действительно, пора для начинающего писателя, когда он еще нигде не числится, ни с кем не связан, а сам по себе, самому себе предоставлен, достаточно серьезная. Может быть, в это время и вырабатываются самостоятельные качества, столь необходимые художнику. Очень легко было войти в колею конъюнктурных тем, соскользнуть на путь зарабатывания денег. И мне предлагали довольно заманчивые денежные должности. Допустим, заведовать редакцией поэзии в издательствах «Советский писатель» или «Молодая гвардия». Но я считал, что такая работа помешает моему основному делу. Я вообще никогда нигде

не служил, кроме армии. Нигде не был в штате, от всех подобных приглашений уклонялся. Пожалуй, это был инстинкт самосохранения — единственная естественная возможность остаться самим собой.

— Получилось?

— Недавно один мой институтский друг обронил: «У тебя благополучная литературная судьба...» Я ответил: «Конечно, вусмерть не били». Но сколько было тычков, щелчков, цепляний — в печати, разумеется. Нас систематически «лечили» инъекциями страха разной концентрации. И кое-кого излечили — от литературы. «Созерцательность», «мелкотемье», «бытовизм», «дегероизация» — в этом всем меня регулярно упрекали. Любопытно, что впоследствии критика отнесла сии недостатки к достоинству — только стала называть их немножко иначе.

— И чем же вы зарабатывали на жизнь?

— Постепенно стал печататься. С годами я стал писать и прозу. Потом некоторые из моих стихотворений были положены на музыку, стали песнями. Это очень помогало сохранять материальную независимость. Для того, чтобы песня принесла деньги, она должна петься от Бреста до Находки. И у меня были такие песни: «Я люблю тебя, жизнь», «Вы служите, мы вас подождем», «Солдаты», «Женька», «Я спешу, извините меня», «Старый вальсок», «За окошком свету мало», «Как провожают пароходы», «Алеша». Кроме того, довольно много переводил. Был у нас такой узаконенный термин — «братские литературы». Печатать свое было очень трудно, а переводить, скажем честно, очень выгодно.

— Но ведь это занятие, как известно, довольно опасное. Как-то Ахматова сказала Лидии Корнеевне Чуковской: «Теперь-то мне уже все равно, а в творческий период поэту, конечно, переводить нельзя. Это то же самое, что есть свой мозг».

— А Пастернак назвал это донорством. Поэт отдает чужому тексту талант, силы, страсть. По сути, свою кровь — без малейшей экономии. Погружение в переводы погубило многих поэтов. Из тех, кто в гигантских количествах переводил в наше время, удержались как собственно блестящие поэты единицы: Пастернак, Заболоцкий, Липкин, Тарковский, Межиров.

— Вы дали счастливую путевку в жизнь не одному хорошему поэту. Скажем, вы — автор рецензии на первые книжки стихов покойного Валентина Берестова, Фазила Искандера. Кого можете отметить сегодня?

— Высоко ценю стихи москвички Анастасии Харитоновой. У нее уже было несколько небольших книжечек, а теперь вышел большой том.

— Как вы определяете для себя лучшее стихотворение у другого поэта?

— Надо просто понимать в стихах. Вот рассыпаны очень красивые, отполированные, играющие на свету всеми красками стекляшки. И среди них есть один-единственный бриллиант. Как его найти? Несведущий человек растеряется. А ювелир тут же безошибочно отыщет то, что нужно. То же самое в литературе. Есть прекрасные писатели и книги, а есть очевидная подделка, несуразница. Поэты знают, что иногда бывает невозможно доказать, чем именно хороши или плохи те или иные строфы. Здесь нет никакой мистики. Это надо чувствовать.

— Сами поэты говорят, что дружба между ними — вещь редкая и, по видимому, даже невозможная. Вас же с Инной Гофф связывали не только дружеские отношения, но и долгая семейная жизнь. Она влияла на ваше творчество?

— С Инной, тогда тоже студенткой литинститута, мы объединили наши судьбы 14 февраля 1950 года. И с тех пор почти не расставались. Да, она была не только

женой. Она замечательная писательница. У нее много прекрасных книг прозы: «Северный сон», «Не верь зеркалам», «Телефон звонит по ночам», «Поющие за столом», «Юноша с перчаткой», «Знакомые деревья», «Советы ближних», «Превращения». Начиная Инна Гофф как поэт, в литинституте была в семинаре у Михаила Светлова, но потом перешла в семинар Паустовского, чему Константин Георгиевич немало удивился: «Вы же хорошие стихи пишете!». Потом она писала стихи как бы для себя — это были песенки, которые она напевала на собственные мотивы. Как-то ее услышал Ян Френкель и попросил переписать слова. Так появился романс «Август», потом — «Русское поле». Эти песни остались и живут до сих пор. Вот недавно они звучали на вечере памяти Эдуарда Козмановского. Увы, из тех людей, с кем прошла моя жизнь, уже не осталось никого...

Вы спрашиваете «влияла ли на творчество»... Конечно. Например, она дала мне точный совет — не писать длинных сюжетных стихотворений, чем я грешил. У нас дома был как бы свой Союз писателей. Без официозов, с настоящим общением. И вообще не просто любили друг друга.

— В свое время вам оказал содействие Михаил Исаковский. По вашим словам, он был первым поэтом, с которым вы познакомились. Существует ли сегодня такая же поддержка, преемственность поколений в писательской среде?

— Думаю, нет. Времена изменились. Раньше, несмотря на общий внешний нездоровый фон — цензура, всяческие рогатки и прочие прочие препятствия, писателей все-таки объединяло ощущение общего дела. Особенно после войны старшие, как, например, Павел Григорьевич Антокольский, для которого помочь каждому из нас всем, чем он только мог, стало ис-

тинной потребностью, старались поддержать молодых. Они относились к нам внимательно, сердечно и просто. В свою очередь, мы принимали участие в судьбе тех, кто шел за нами. Это поколение Евтушенко, Ахмадулиной. Но эти дружеские отношения складывались не специально, не по заказу.

В последнее время появилась тенденция отрицания всей предыдущей литературы. Любопытно: точно такую же ситуацию мы пережили вскоре после войны, когда, начиная с 1946 года, в искусстве проводилась официальная сталинско-ждановская политика. Все известные идеологические постановления ЦК по поводу литературы и искусства, отменяющие Ахматову, Зощенку, Прокофьева, Хачатуряна, практически объявили: «Сейчас все начинается заново, с нуля». Появилась когорта новых, никому не известных лауреатов, имена которых сейчас невозможно вспомнить. Как ни странно, молодые писатели 90-х годов, которые захотели укрепиться путем отрицания той литературы, что была до них, сказали те же слова: «До нас ничего стоящего не было! Это все советская литература. Настоящие поэты и прозаики — мы!». Один из них сделал недавно такое обескураживающее признание: «Для меня все равно: что Георгий Марков, что Юрий Трифонов — оба они советские писатели». Между тем поток истинной литературы не прерывался даже в те нелегкие годы.

— Может быть, нынешние нигилисты говорят так запальчиво шутки ради?

— Напротив, с обидой на то, что они, дескать, недостаточно признаны. Но рассуждать таким образом нелепо и наивно. Потому что в искусстве никто не занимает чье-либо место. Помните, на великом балу у сатаны в романе «Мастер и Маргарита» есть такой эпизод. В обычной квартире

Маргарита обнаружила громадные, необъятные залы с колоннами, водопадами, фонтаны, бассейны, оркестр, толпы гостей. И она недоумевает: как все это там помещается? Точно так же и в искусстве: мест здесь сколько угодно, и сколько бы ни было талантливых людей, все они помещаются.

— Уместно ли такое сравнение, бал-то дьявольский?

— И все же он дан Булгаковым с положительной подоплекой: в итоге из дома сумасшедших вывозяют Мастера, возвращается его сожженная рукопись. Так вот, искусство — это не вагон, куда вы входите с билетом, а ваше место вдруг оказывается кем-то занятым. Появляется новый одаренный писатель — место ему, будьте уверены, всегда найдется. Эти же революционно настроенные люди считают, что у них потому нет успеха, что их место кем-то незаконно занято. Поэтому кого-то нужно вытеснить или, как в поезде, ссадить. А не ссадишь!

— Кроме воспоминаний, чем еще порадуете своих читателей?

— По-прежнему пишу стихи. Их печатают. Не так давно была подборка в «Знамени». В прошлом году в московской организации Союза писателей «Ниппур» вышел сборник лирики «Ночлег». Последняя книжечка стихов — «Женские лица» (Москва, «ЯникО», 1998). Это изящное миниатюрное коллекционное издание с рисунками моей дочери — художника Галины Ваншенкиной. В майском номере «Октября» напечатал прозу. Время от времени что-то делаю на телевидении. Сейчас вот отсняли цикл из пяти передач, основанных на воспоминаниях последних лет, — «Разные общения». Но на какой канал пристроит эту программу, пока неизвестно.

Встречалась
Елена КОНСТАНТИНОВА